

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

А.Г. Агафонова

РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД В ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Статья посвящена реляционной социологии как исследовательской перспективе, позволяющей снять конфликт между структурным и деятельностным подходами в социологии. Рассмотрены возможности применения реляционной перспективы в городских исследованиях, состоящие в смещении фокуса внимания с субстанциональных компонентов на раскрытие текучести городских процессов. Городское пространство трактуется в рамках реляционного подхода как социально конструируемое в ходе процессов интеракции между различными локусами социальной жизни (будь то индивиды, институты, городские сообщества и т.д.). Выделены и систематизированы основные направления реляционного осмысления города: «мобильный урбанизм» (Дж. Урри), «теория эмерджентных урбанистических ассамбляжей» (Б. Латур, К. Макфарлэйн, И. Фариас) и «реляционный реализм» (М. Эмирбайер, Х. Уайт, Э. Мише, Ч. Тилли, Т. Блокланд).

Более подробно рассмотрен подход «реляционного реализма». В ходе анализа изменяющихся культурных компонентов социального пространства города подход реляционного реализма помогает обнаруживать механизмы и культурные основания процессов городских трансформаций. В частности, мы обращаемся к реляционным механизмам воспроизводства городских неравенств. В качестве примера рассмотрено кейс-стади микрорайона американского социального жилья, проведенное датским социологом Т. Блокланд. Сегрегация не просто выступает отражением социального неравенства, но влияет на дальнейшие аспекты его закрепления и воспроизводства посредством социальных отношений. Социопространственная сегрегация, ментальная география, представления о различных местах городского пространства имеют реляционную основу. Мы кратко иллюстрируем данный тезис на примере нашего исследовательского кейса Канонерского острова Санкт-Петербурга.

---

* Текст написан в рамках подготовки научно-исследовательской работы «Между виртуализацией и материализацией: эпистемологическая реконфигурация в современной социологической теории» (ЦСИ РАНХиГС, Госзадание, 2015).

Агафонова Анна Геннадьевна — аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (anechka.agafonova@gmail.com).

Agafonova Anna — PhD student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University (anechka.agafonova@gmail.com).

Ключевые слова: *городские исследования, парадигма сетей, мобильный урбанизм, теория эмерджентных урбанистических ассамбляжей, реляционная социология, Чарльз Тилли, социопространственная сегрегация.*

Современная урбанизация становится все более масштабной. Город обладает ресурсными преимуществами занятости, комфорта, потребления и тем самым притягивает к себе новые социальные группы, внутренних и внешних мигрантов. Город превращается в арену многообразных экономических, культурных, политических практик и, соответственно, сложных взаимоотношений на региональном, местном и микроуровне. По сравнению с прошлыми столетиями города как пространственные структуры сильно изменились. Современные городские процессы, связанные с децентрализацией и разрастанием жилого пространства, возникновением новых типов профессиональной занятости, увеличением числа ролевых репертуаров и разнообразием жизненных стилей горожан, задают иную логику организации общественного и материального порядка. Именно город является центром интенсификации «сетей», «потоков», «мобильностей», которые пронизывают современный мир.

Одним из следствий интенсивных городских трансформаций, как глобального, так и локального уровня, стало изменение самого характера организации сетей человеческих взаимоотношений. Социальные связи теперь более рассеяны в географическом пространстве. Люди все также могут идентифицировать себя с городом или отдельными его районами, но локальная принадлежность становится лишь одним из возможных вариантов целого набора «рамок», которые индивид задействует в ходе повседневных социальных интеракций. Город создает более широкие возможности для выбора «социальных кругов» персональной принадлежности, выбора тех людей и групп, с кем можно разделить схожие интересы. Между тем исследования социальных групп с низким уровнем доходов демонстрируют, что малообеспеченные индивиды склонны полагаться на локальные социальные сети, чтобы «свести концы с концами» и справиться с трудностями бедности (Барсукова 2003, Штейнберг 2004; 2005). Таким образом, становящаяся более разнообразной «социальная ткань» современных городов оказывается большим преимуществом для тех, кто имеет возможность увеличивать и расширять число собственных социальных контактов, одновременно производя и более жесткие границы исключения. Устоявшиеся социопространственные границы переплетаются с новыми сетевыми границами, воплощаясь в современных формах внутригородского неравенства. Во-первых, существуют «закрытые сообщества» и джентрифицированные районы, во-вторых — гетто и бедные анклав, в-третьих — разрывы и дистанция между «центром» и «периферией».

В ходе изучения реструктуризации социокультурного пространства Канонерского острова Санкт-Петербурга* мы столкнулись с воспроизводством со-

---

* Исследование было проведено в 2012–2015 гг. В ходе изучения различных аспектов трансформации данного места были проведены серии полуструктуризованных интервью с жителями острова (N=13), формализованных интервью со служащими муниципалитета (N=3), полуструктуризованных интервью с представите-

циопространственных границ в форме символической и материальной изолированности данного места городского пространства. Данный локус, выступая частью общегородского пространства и находясь в близкой транспортной доступности от центра города, продолжает символически вытесняться на городскую периферию. У части его обитателей сохраняется ощущение обособленности и локальной территориальной идентичности. Обнаруживается устойчивое противоречие между административным вхождением Канонерского острова в состав города после начала 1990-х годов и сложившейся ментальностью островитян. Вместе с тем постепенно формируется новый комплекс взаимоотношений между «старожилами» и новыми жителями острова, местным населением Канонерки и остальными «петербуржцами», а также представителями местного муниципалитета, администрацией Кировского района и Санкт-Петербурга. Формирующийся новый комплекс взаимоотношений различного уровня может быть рассмотрен на основе реляционного подхода, в котором социальная жизнь предстает как «ткань» интеракций между различными социальными локусами (будь то индивиды, институты, городские соседства).

В статье выделены и описаны три ключевых направления реляционного (отношенческого) подхода: «реляционный реализм», «мобильный урбанизм», «теория эмерджентных урбанистических ассамбляжей». Более подробно мы рассмотрим направление «реляционного реализма», которое выступает относительно новым для отечественной науки. Цель настоящей статьи состоит в оценке и использовании эвристического потенциала реляционного реализма в анализе городского социально-пространственного неравенства. В качестве иллюстрации взаимосвязи между пространственной и социальной сегрегацией через призму реляционного реализма мы используем отдельные выводы нашего исследовательского кейса Канонерского острова.

Реляционная перспектива

Реляционная, или отношенческая, перспектива, о которой пойдет речь в статье, развивается на базе сетевой парадигмы. Она не представляет собой некий внутренне согласованный (когерентный) комплекс теоретического знания, и редко выражается в привязке к какой-либо конкретной школе философской мысли или работам того или иного автора. Это, скорее, позиция, с которой отношения между условиями социальных трансформаций или единицами социального анализа рассматриваются как динамичные, непрерывно происходящие процессы, в противоположность *статичным связям между инертными субстанциями* (Tilly 2008). В рамках «отношенческой» перспективы можно выделить три ключевых подхода: «реляционный реализм», «мобильный урбанизм», «теорию урбанистических ассамбляжей».

Первое направление, которое мы условно обозначим как «**реляционный реализм**», представлено в работах М. Эмирбайера, Дж. Гудвина, М. Сомерс, Ч. Тил-

---

лями Канонерского судоремонтного завода, Балтийской таможни, Морского порта, ЖКО, градостроительного комитета и правоохранительных органов (N=6), а также формализованные телефонные интервью с жителями острова (N=401) и качественный анализ материалов из сети Интернет.

ли, Э. Мише и др. Первоначально оно возникло в качестве подхода, комплементарного (по мнению некоторых теоретиков, оппозиционного) подходу анализа социальных сетей (Social network approach, SNA). Оно также развивается на базе сетевой парадигмы, основным постулатом которой является утверждение о том, что эмпирические сети отношений лежат в основе социальных структур и конституируют их. Сетевой подход к анализу социальных процессов, набравший популярность в конце XX в., критиковался за недостаточное внимание к культурным и национальным особенностям, игнорирование ситуативных контекстов. Реляционная социология совершила *культурный поворот* в анализе социальных сетей, поскольку она связала структурные аспекты SNA и смысловые сети (Мальцева 2014).

В реляционном подходе, так же как и в SNA, рассматриваются связи и отношения как первичные элементы социальных структур. В то же время в его фокусе оказываются культурные компоненты социального взаимодействия. При этом индивиды, группы, объекты, институты, состоящие в этих сетях, сами находятся в процессе непрерывной трансформации. Каждое последующее взаимодействие может принести нечто новое в ранее сложившуюся сетевую структуру, а то и полностью разрушить ее. Сторонники данного подхода рассматривают сети отношений как результат культурного производства в процессе обмена смыслами (Mutzel 2009). Со временем реляционная социология получила развитие в качестве самостоятельного от направления анализа социальных сетей подхода, основная суть которого сформулирована в «Манифесте реляционной социологии» М. Эмирбайера (Emirbayer 1997). В контексте изучения социопространственного неравенства городской среды данный подход помогает, например, объяснить процессы формирования «репутации» городских мест и прочих ментальных конструкторов географического пространства.

Второе направление рассматривает город вне «города-как-территории»: описываются и анализируются потоки, мобильности, сети, пронизывающие различные локусы социальной жизни и объединяющие города в глобальные структуры. Основоположник направления Джон Урри настаивает на необходимости замены онтологического понятия «общество» термином «мобильности» как более адекватным для описания современных процессов. В контексте городских исследований данное направление можно условно обозначить как мобильный урбанизм (McCann, Ward, Cochrane 2011).

В рамках направления «мобильного урбанизма» мобильность как социальное явление важна не только сама по себе, но и потому, что она изменяет окружающий мир и пространство. Мобильность рассматривается не в единственном ключе, современный мир порождает т.н. «множественные мобильности»: в движении находятся не только люди, но и объекты, идеи, информация, отходы, опасности и многое другое (Урри 2012). В городских исследованиях этот подход находит отражение в работах, где изучается влияние транспортных потоков (автомобильных, железнодорожных и авиа), телекоммуникационных технологий и человеческих перемещений на реорганизацию пространств отдельно взятых городов, а также на связность/разобщенность различных стран и регионов. Культурный географ Джейн М. Джейкобс особенно подчеркивает направление исследований, в котором анализируется мобильность идей город-

ской экономики, политики, креативных городских стратегий, городского дизайна (Jacobs 2012).

Наконец, **третье**, наиболее радикальное, **направление** выражено в работах сторонников акторно-сетевой теории Б. Латура, Дж. Ло, К. Макфарлэйна, делающих акцент на комплексности и роли материальных объектов в социальном мире. Применительно к городу его можно назвать теорией эмерджентных урбанистических ассамбляжей. Под «ассамбляжем» понимается *имманентный эффект объединения разнородных элементов* (людей, организаций, инструментов, объектов, технологий, текстов, организмов, других городов) (Latour 2005). Такие ассамбляжи не бывают фиксированными и стабильными, они всегда находятся в процессе производства и трансформации. Также подразумевается, что материальные объекты имеют равный потенциал воздействия на окружающую среду наряду с индивидуальными акторами: например, опасный вирус и политик в ассамбляже могут иметь схожее влияние.

В пользу релевантности «ассамбляжного мышления» о городах выступают И. Фариас и Т. Бендер в книге «Городские ассамбляжи» (Farias, Bender 2011). В работе рассматривается, как акторно-сетевая перспектива может влиять на типы вопросов, которые задаются по отношению к городу, изучаемым объектам и окружающей обстановке. И. Фариас, например, видит город «как открытую строительную площадку», которая «неустанно пересобирается на конкретных участках городской практики» (Ibid.: 2). Город предстает как связанные сети (человеческие, инфраструктурные, архитектурные или гибридные). Эти сети, считает Т. Бендер, «объединяются в ассамбляжи, например в соседство, или толпу на городском фестивале, или финансовый центр, как Уолл Стрит в Нью-Йорке» (Ibid.: 316).

Каждый из перечисленных подходов обладает определенным эвристическим и инструментальным потенциалом в анализе процессов городских трансформаций. Подход мобильного урбанизма, в отличие от двух других, уделяет больше внимания крупномасштабным процессам, нежели локальным ситуациям и индивидуальным агентам. В направлении мобильного урбанизма преобладают количественные методы описания, в то время как сторонники теории урбанистических ассамбляжей и реляционного реализма зачастую прибегают к качественным методам и данным, позволяющим изучать отношения, интерпретации и практики. Однако если в подходе реляционного реализма аналитик решает, что и кто имеет значение для анализа, то в ассамбляжной теории приветствуется открытый интерпретативный подход к сбору данных (Mutzel 2009). Плотное описание само по себе рассматривается как объяснение и, более того, как основа и потенциал для интервенции и изменений. В мобильной социологии и реляционном реализме, напротив, преобладают каузальные типы объяснений.

В статье мы уделим более детальное внимание лишь одному из трех описанных подходов — подходу реляционного реализма. На наш взгляд, этот подход обладает определенным эвристическим потенциалом. В контексте городских исследований он позволяет раскрыть связь между пространственной и социальной сегрегацией, продемонстрировать, как работают процессы включения

и исключения и как (вос)производится неравенство в городской среде. Реляционный реализм позволяет проводить исследования различного уровня: на микроуровне (например, семейные взаимоотношения), на мезоуровне (внутренние и внешние отношения организаций или социальных движений), на макроуровне (глобальные макроструктуры). Образцами теоретических и методологических разработок реляционного реализма, совмещающих структурные, культурные (содержательные) и контекстуальные аспекты социальных взаимодействий, служат теория социального действия Харрисона Уайта (White H.C. 2008), анализ социальных движений Эн Мише (Mische 2003), интегрированная теория анализа политических и исторических процессов Чарльза Тилли (Tilly 1998 (a); 1998 (b); 2008; 2005; 2000).

Реляционный реализм в анализе социально-пространственной сегрегации

Посредством культурных определений пространство обретает важные смысловые свойства, которые способны оказывать влияние на характер дальнейших отношений людей с географическим, жилым, культурным пространством и друг с другом. Районы проживания иммигрантов, например, зачастую топографически обозначены в городах (напр., Чайнатаун, Маленькая Италия) и демонстрируют то, как отношения создают возможности для членов определенных категорий, одновременно очерчивая границы исключения для других.

Существующие подходы к изучению социально-пространственной сегрегации можно, на наш взгляд, условно разделить на два ключевых направления. **В первом направлении** предпочтение отдается изучению того, как постулируется связь между местом проживания и типом жилья и системой социальной стратификации (Вендина 2005; Бессонова 1993; Корнев 2005). Городское пространство рассматривается как формируемое под воздействием «внешних» сил: рыночных механизмов, государственной жилищной политики (Строкова 2008). **Во втором направлении** внимание уделяется анализу повседневных практик освоения городского пространства индивидуальными акторами: подразумевается, что повседневные практики и индивидуальные предпочтения выступают факторами структурирования городской среды (Hannerz 1974; Линч 1982; Трущенко 1994). Оба направления развиваются независимо друг от друга, так как сконцентрированы на анализе различных уровней социальной реальности. Между тем повседневные практики обособления различных групп в городском пространстве и реализуемая государственная политика, различные режимы власти (Гельман, Рыженков 2010), выталкивающие более бедные слои населения на периферию, взаимозависимы и, соответственно, служат основой для преодоления параллелизма и интеграции обоих направлений.

Реляционные социологи утверждают, что социальные феномены не могут быть поняты и объяснены с позиции индивидуальных предпочтений и интересов (ментализм) или путем изучения социальных структур и систем. Реляционный реализм стремится показать, что так называемые социальные структуры, общества или институты суть *отношения* между социальными субъектами, а не абстрактные показатели и индикаторы. Представления о городском пространстве (ментальная география) также конструируются *реляционно*: в процессе взаимодействия с пространством, с объектами в данном пространстве, с други-

ми людьми. Ключевой вопрос реляционного анализа состоит в том, *как взаимодействие людей друг с другом и с пространством непреднамеренно влияет на закрепление и воспроизводство социопространственной сегрегации.*

Согласно реляционному реализму практики «создания мест» (англ. «place-making») могут быть описаны в качестве метафоры *непрерывный разговор*: люди основываются на предыдущих коммуникативных транзакциях со схожими собеседниками, импровизируют в рамках границ, заданных общим пониманием ситуации, транслируют характер своих отношений через разговор и преобразовывают это отношение. Нарративная история места сообщает текущее понимание социального пространства. Оно влияет на отношения по поводу пространства, которые затем выражаются в конструировании новых историй. Например, пишет Ч. Тилли, соседи могут выстроить шаткую систему доверия на основе общих традиций и разделяемых историй взаимоотношений друг с другом, делить имущество и общее пространство, при этом подвергая себя рискам и опасности в контексте созданной системы доверия. В то же время они могут начать действовать жестоко, когда новички, которых они не могут легко интегрировать в свои сети, угрожают занять часть территории. В процессе «разговора», члены двух групп разрабатывают убедительные истории о коварстве друг друга и полной несовместимости (Tilly 1998: 87).

Понятия транзакций и механизмов выступают центральными компонентами в подходе реляционного реализма. Транзакции, социальные действия и коммуникация конституируют социальные структуры. Исторический социолог Чарльз Тилли отмечает, что социальные отношения необходимо рассматривать как транзакции. Именно из серий транзакций мы делаем вывод о наличии отношения между сторонами: дружбы, соперничества, альянсов или чего-то еще (Tilly 2005). Внимание к *механизмам* функционирования социальных отношений также необходимо для понимания того, как формируются и поддерживаются социопространственные границы, т.е. каковы закономерности воспроизводства городского неравенства.

Реляционные механизмы (вос)производства городских неравенств

Реляционные механизмы понимаются как стратегии и практики социальных акторов, воспроизводящиеся на протяжении длительного времени и влияющие на формирование устойчивых констелляций групповых представлений, которые затем выступают предпосылкой для дальнейших действий (Tilly 2005). Чарльз Тилли выделяет ряд механизмов, которые могут быть успешно применены в качестве аналитических категорий для описания любых форм неравенства, в том числе социопространственного, которое сохраняется в течение длительного времени: эксплуатация, накопление возможностей, эмуляция и адаптация.

Первые два механизма, эксплуатация и накопление возможностей, вызывают неравенство, когда акторы инкорпорируют бинарные категории и, таким образом, производят границы. *Механизм эксплуатации* реализуется в ситуациях, когда группы индивидов, обладающие большей властью, распоряжаются ресурсами, приносящими им значимые преимущества за счет координации усилий «аутсайдеров», которых они отстраняют от получения выгод в полном

размере. *Механизм накопления возможностей* реализуется, когда члены категориально объединенной сети приобретают доступ к ресурсам, которые являются ценными, возобновляемыми, подлежат монополизации, поддерживаются за счет активности в сетях и улучшаются за счет образа действия в сетях. Перечисленные механизмы параллельны друг другу, но люди, у которых недостаточно власти, могут задействовать второй механизм, в том случае если это поддерживается, или, наоборот, игнорируется «власть имущими». Зачастую обе стороны получают комплементарные, хотя и неравные, преимущества от совместного исключения друг друга из сетей.

Следующие два механизма, эмуляция и адаптация, «цементируют» существующие практики и способствуют постепенному закреплению категориального неравенства. *Механизм эмуляции* заключается в копировании установленных организационных моделей и/или переносе существующих социальных отношений из одного социального окружения в другое. *Механизм адаптации* выражается в выработке повседневных практик, таких как взаимопомощь, политическое влияние, получение информации на базе категориально неравных структур: структур, различающихся по критерию пола, расы, национальности, класса, принадлежности к какой-либо общине и т.п.

Датский социолог Т. Блокланд (Blokland 2008) наглядно демонстрирует эвристический потенциал реляционного подхода на примере результатов кейс-стади микрорайона социального жилья («гетто») в Нью-Хейвене (Коннектикут, США). В статье описывается ситуация публичного собрания, участниками которого являются жители микрорайона, местные власти и представители полиции. Само собрание рассматривается как специфический процесс «создания места» (place-making), в ходе которого раскрываются различные аспекты взаимодействия участников по поводу локального пространства. Автор статьи демонстрирует, что через сам процесс коммуникативного конструирования места *люди способны создавать, поддерживать и трансформировать отношения друг с другом* (Ibid.: 32). Основываясь на данных исследования, автор демонстрирует реляционное функционирование стигмы (Ibid.). Стигматизация определяется Блокланд как специфический *процесс создания места*. В частности, она показывает, что наличие стигмы по отношению к обитателям социального жилья изменяет «процессы обмена» между сторонами взаимодействия (представителями местных властей, полиции и жителями), становясь элементом «стратегий взаимодействия как маркируемых, так и маркирующих» (Ibid.: 34). Инкорпорирование стигмы жителями «гетто» приводит к тому, что они демонстрируют пассивность и «уход» от активного взаимодействия на собрании, избегая идентификации с местным «сообществом». Подобные поведенческие практики раскрывают сущность *механизма эмуляции*: копирования установленных моделей поведения, характерных для позиций представителей различных категориальных структур. Классовая, расовая и пространственная дистанция, таким образом, усиливается посредством механизма эмуляции, что приводит к воспроизводству организационных моделей социальной эксплуатации и закреплению социопро пространственного неравенства.

Таким образом, сегрегация не просто выступает специфической организацией пространства, которая является результатом социальных отношений, она

сама влияет на дальнейшее формирование социальных связей. Социальные отношения производятся «в» и «через» организацию пространства (Лефевр 2002). С такой позиции сегрегация предстает не просто как результат реляционных процессов, но как реляционный концепт сама по себе.

Связь между социальной и пространственной сегрегацией может быть раскрыта через более пристальное внимание к формированию и воспроизводству социальных отношений в контексте городской повседневности. Ментальная география, наши взаимоотношения с различными городскими пространствами, чувство «привязанности» или «чуждости» места также имеют реляционную основу. В качестве иллюстрации данного тезиса мы рассмотрим некоторые аспекты локальных взаимоотношений жителей с пространством и друг с другом на примере нашего исследовательского кейса Канонерского острова Санкт-Петербурга.

Кейс Канонерского острова Санкт-Петербурга через призму реляционного подхода

Прежде чем обратиться к выделенным нами типологиям взаимоотношений жителей с локальным пространством и друг с другом, необходимо обозначить специфику Канонерского острова. Она обусловлена особенностями его исторического развития: вплоть до постройки тоннеля в 1983 г. остров был фактически «отрезан» от остального города, добраться до него можно было лишь водным путем. На острове действовал контрольно-пропускной режим ввиду близости Морского порта. Обособленный режим обитания на острове способствовал формированию сообщества канонерцев, объединенных схожими условиями жизни, проблемами и вопросами. Население Канонерского острова было сформировано преимущественно работниками Канонерского судоремонтного завода и Морского порта, многие из которых приезжали в Санкт-Петербург «по лимиту» из других регионов России. Согласно результатам телефонного опроса жителей Канонерского острова, проведенного летом 2013 г.^{*}, сегодня структура населения Канонерского острова представлена людьми схожего социального положения: 42 % опрошенных оценивают свой доход ниже среднего, еще 17 % — как низкий.

Сегодня остров занимает низкую ресурсную позицию в иерархии городского пространства и ассоциируется с малым количеством «пространственных прибылей», способных принести выгоду владельцам недвижимости на острове. Недостаточная благоустроенность микрорайона, слабо развитая инфраструктура, старый жилищный фонд составляют ключевые проблемы острова. Социально-пространственная сегрегация, постепенное вытеснение острова на городскую периферию, поддерживается за счет неравенства экономических возможностей в контексте города, вытеснением менее обеспеченных слоев на окраину.

На локальном уровне неравенство проявляется гораздо отчетливее. Жители инкорпорируют негативный образ и низкий статус микрорайона в свое вос-

---

^{*} Телефонный опрос был проведен при поддержке Ресурсного центра «Центра социологических и Интернет-исследований» СПбГУ летом 2013 г. Итоговая выборка составила 401 человек (генеральная совокупность около 4000–5000 жителей).

приятие того, что представляет собой их место проживания. Это выражается в частой демонстрации недовольства, ощущении, что они «брошены на произвол судьбы», наряду с неверием в возможность позитивного сценария развития микрорайона, недоверием к местным властям. Многие старожилы острова оказались в положении структурной зависимости: они зависят от структур экономических возможностей, которые ограничивают шансы их переезда и улучшения жизненных условий. Аналогично переезд новых жителей на остров определяется низкой рыночной стоимостью жилья на острове. В условиях структурной зависимости у жителей формируются различные отношения с локальным пространством и с сообществом, воспроизводящиеся через различные поведенческие паттерны.

Мы выделяем два компонента отношений: 1) связь с местом; 2) связь с локальным сообществом. Связь с локальным сообществом может быть раскрыта через персональный уровень привязанности и идентификации с местом, вовлеченность в локальные социальные сети, прошлый опыт отношений и представления о будущем, а также через оценку места проживания. Мы выделили несколько типов отношений с сообществом и с местом, которые сегодня демонстрируют жители острова. Это «идеальные» типы, или аналитические категории, которые были разработаны с целью понимания контекста взаимодействия жителей с пространством и друг с другом и могут быть впоследствии дополнены и расширены. Информанты могут иметь более одной связи с местом, кроме того, отношения изменяются с течением времени.

Типы отношений с локальным пространством и с сообществом:

1. Локальная укорененность, вовлеченность в сообщество. Связь с местом: эмоциональная привязанность (историческая, семейная связь, ощущение принадлежности к месту). Информанты демонстрируют привязанность к месту, поскольку родились здесь и/или живут долгое время. Такие отношения характеризуются сильной идентификацией с местом, оно выступает неотъемлемой частью персональной истории. Включают эмоциональную, физическую, нарративную («мифы» о месте, личные истории) составляющую. Информанты активно включены в локальные сети взаимопомощи и обмена. Демонстрируют преимущественно позитивное отношение к месту и планируют продолжать там жить.

Алексей (25 л., живет на острове с рождения. Дата интервью: 02.08.14): *Честно, мне трудно представить, что я буду жить где-то в городе. Что выходишь на улицу — шум машин, шум, что-то еще... какие-то люди странные, прохожие... Пфф. Вообще, даже трудно представить, я боюсь представить это. Потому что здесь как-то по-родному все, как сказать, каждый подвал знаешь. Каждый проход.*

2. Отчуждение от пространства и сообщества. Связь с местом: зависимость. Такая связь сформирована недостаточностью возможностей, зависимостью от другого человека, работы или экономических шансов. Отношения зависимости могут быть чисто физическими, например когда они продиктованы необходимостью проживать рядом с работой, заботиться о больном родственнике, или связаны с переездом к жене/мужу. Люди, демонстрирующие зависимое отношение с местом, могут сделать осознанный выбор переехать, однако вовсе не выбор будет выступать определяющим фактором, но совокупность экономиче-

ских возможностей и жизненных условий. Существует желание уехать, но отсутствуют возможности. Слабая идентификация с местом проживания, избегание связей с локальным сообществом.

Татьяна (ок. 60 лет, переехала на остров в начале 80-х. Дата интервью: 19.03.14): *Я со всеми прекратила все общения. Потому что мне надоело: приходят, жалуются, так плохо, этак плохо.*

3. Индифферентное отношение: «дом» ни здесь, ни там. Связь с местом: рациональная. Такая связь сформирована набором желательных признаков и предпочтений. Ключевой характеристикой таких отношений выступает осознанный выбор, базирующийся на комбинации материальных возможностей и желаемых признаков. Такая связь больше когнитивная и физическая, нежели эмоциональная. Фактором поиска нового места проживания выступает неудовлетворенность старым местом (жилищными условиями, инфраструктурой, соседями, т.д.) Слабая локальная идентичность, слабая включенность в сообщество.

Евгений (50 лет, проживал на острове с 2006 по 2014 г. Дата интервью: 03.08.14): *Я приехал с гарнизона, поскольку я военный. Поэтому я вообще бы не сказал, что у меня были сильные впечатления от Канонерского острова. <...> Канонерский остров — это просто для меня было место проживания.*

4. Идеологическое отношение. Связь с местом: рациональная. Основано на осознаваемых ценностях и представлениях о том, как необходимо относиться к пространству и строить взаимоотношения с окружающими. Идентификация с местом слабая, вовлеченность в локальные социальные сети средняя. Взаимодействие с соседями строится по принципу взаимной пользы и с целью совместного действия.

Александр (ок. 50 лет, переехал на остров 10 лет назад. Дата интервью: 14.11.14): *Светлана хорошая женщина, общительная. Познакомились только потому, что удивились оба, а почему у нас в парадной нет двери, а может, нам что-нибудь сделать. Решили — и сделали. Она проходила, получила несколько раз неудобольствие со стороны жильцов. Вместо того чтобы люди отблагодарили и ценили как бы внимание, участие человека, инициативу его. У нас же еще, к сожалению, пока все стараются занять барскую позицию. Это удобно, это приятно, но непродуктивно, мне кажется.*

Описанные типы связей с локальным местом и сообществом, разумеется, не являются исчерпывающими. Однако они демонстрируют возможные вариативные комбинации отношений информантов с пространством и другими жителями. В совокупности они приводят к различным поведенческим практикам, нацеленным либо на вступление в контакт, использование локальных связей как источника ресурсов (информации, взаимопомощи, защищенности), либо на избегание локальных связей (как нежелательных, обязывающих) и конструирование границ.

Превалирующими типами отношений с местом у наших информантов выступают отношения эмоциональной привязанности и зависимости. Однако отношения эмоциональной привязанности не всегда подразумевают положительную эмоциональную связь с местом и локальным сообществом. Транс-

формация пространства острова в последние два десятилетия, изменение характера вовлеченности островитян в локальную трудовую и экономическую жизнь (массовые увольнения в период перестройки с Канонерского судоремонтного завода, где работала большая часть жителей) повлияли на изменение отношения старожилов к месту проживания, возникновению у многих отчужденности от локального сообщества, появлению желания переехать. Наряду с этим развитые соседские взаимоотношения поддержки и взаимопомощи помогают жителям справляться с повседневными трудностями и самостоятельно решать проблемы.

«Сильные» соседские связи как адаптивный механизм

Жители острова до сих пор поддерживают достаточно тесные локальные связи взаимопомощи и поддержки, которые помогают им справляться с повседневными трудностями и самостоятельно решать локальные проблемы. Новые жители, переезжающие на остров, могут не поддерживать тесных отношений с соседями, но регулярно сталкиваться с ними в близлежащих магазинах, на остановке общественного транспорта, по пути на работу и т.д. Для многих именно социальный капитал в форме развитых соседских связей рассматривается в качестве основного преимущества проживания на острове.

Через локальные сети жители обмениваются важной информацией (напр., о возможностях трудоустройства), помогают / получают помощь с лекарствами, детскими вещами, по дому. Возникающие конфликты они также склонны решать самостоятельно. Особенно показателен в этой связи рассказ бывшего участкового, работавшего на Канонерском острове в период с 2012 по 2013 г.: *Тут в двух разных концах острова все все друг про друга знают. Бывало, я уже знал, зачем человек придет ко мне завтра до того, как он придет. Люди заходили, рассказывали. Мой телефон был, ну, не у всех, конечно, но у доброй половины жителей острова был. С другой стороны, они как-то все в своем кругу, с правоохранительными органами так официально не хотели делиться. То есть они решали там, все по-своему. Все равно решали, в общем-то. На широкий круг не выносили. Такие, себе на уме (М., ок. 40 л., бывший участковый МО «Морские ворота»).*

Выработка повседневных практик, таких как взаимопомощь и получение информации на базе соседских связей, раскрывает функционирование механизма адаптации (Tilly 2005). Проживание среди группы схожего социального положения, знание друг друга в лицо, а также наличие развитой сети соседских знакомств создают ощущение комфорта и безопасности, «деревни в городе».

Вместе с тем эмоциональная привязанность и развитые соседские отношения, аналогичные тем, что мы можем наблюдать на острове, могут «блокировать» активность для поиска новых возможностей, выхода за привычный круг знакомых и друзей: многие, в том числе молодое поколение, учатся, работают, проводят свободное время вблизи острова.

Таким образом, несмотря на постепенное физическое и административное вхождение Канонерского острова в общегородское пространство после 1983 г., символическая изолированность данного места и его населения сохраняется. Местные жители больше не представляют собой сплоченное локальное сообщество, которым они были несколько десятилетий назад, хотя часть жителей

продолжают описывать остров как «деревню в городе». Трансформация отношений жителей с пространством и друг с другом тесно связана с «включением» острова в общегородскую структуру и изменением состава населения (новые жители демонстрируют новое отношение). Старожилы острова оказались в положении структурной зависимости: они зависят от структур экономических возможностей, ограничивающих шансы их переезда и улучшения жизненных условий. Их отношение к пространству острова трансформировалось: остров советского времени (благоустроенный, чистый, привлекательный для жизни) дискурсивно противопоставляется острову сегодняшнему (неблагоустроенному, грязному, малопривлекательному). При этом сохранившиеся между островитянами развитые соседские связи выступают в качестве адаптивного механизма, позволяющего приспособливаться к новым условиям и самостоятельно решать локальные проблемы. Наряду с этим часть жителей демонстрирует «уход» и избегание локальных связей как обязывающих, «тянущих вниз», что проявляется в отчужденности от локального пространства и сообщества.

Новые жители, как правило, демонстрируют индифферентное, рациональное отношение к пространству и локальному сообществу, рассматривая Канонерский остров лишь как место проживания (не хуже и не лучше, чем любое другое). Их выбор в пользу жилья на острове обусловлен экономическими причинами, а вовсе не символической привлекательностью данного места городского пространства.

Реляционная перспектива в городских исследованиях

Реляционная перспектива вмещает в себя довольно разнообразные подходы в социальных науках, получившие наиболее активное развитие в последние два десятилетия. Необходимость разработки направления реляционного мышления продиктована изменением представлений о самом устройстве окружающего мира: мы можем говорить лишь об относительной устойчивости категорий и явлений социальной реальности, поскольку они находятся в процессе непрерывной трансформации. Поиск соответствующего языка описания и интерпретативной рамки, которые могли бы помочь в анализе процессуальности разнообразных сторон общественной жизни, становится задачей современных социальных наук. В статье мы выделили и вкратце описали три ключевых направления реляционной перспективы («реляционный реализм», «мобильный урбанизм», «теорию эмерджентных урбанистических ассамбляжей»), которые, на наш взгляд, помогают справиться с данной задачей.

Подход реляционного реализма, наиболее подробно рассмотренный в статье, позволяет обратить более пристальное внимание на трансформацию характера и форм социальных отношений, выступающих основой формирования и (вос)производства новых социальных порядков в контексте интенсивной урбанизации. Внимание к реляционным механизмам позволяет упорядочить наше понимание происходящих трансформаций и проследить существующие закономерности социальных процессов.

Рассмотренное направление относительно ново для отечественных наук, тем более оно никогда не использовалось в контексте анализа городских процессов. В статье мы стремились осветить одну из возможных сторон примене-

ния похода, в частности рассмотреть эвристический потенциал реляционной социологии в анализе социопространственного неравенства. В контексте городских исследований реляционная социология позволяет раскрыть взаимосвязь между пространственной и социальной сегрегацией, продемонстрировать, как работают процессы включения и исключения и как (вос)производится неравенство в городской среде. Данный подход предлагает рассмотреть производство пространства как текучий процесс, а не как фиксированное представление.

Литература

Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 12 (2). С. 81–122.

Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. Новосибирск: Наука, 1993.

Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований Институт географии РАН, 2005.

Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 6 (4). С. 130–151.

Корнев Н.Р. Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 77–85.

Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. № 2 (3). С. 27–29.

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

Мальцева Д.В. Реляционная социология: новый этап в развитии анализа социальных сетей или самостоятельное направление? // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 3–14.

Строкова Е.Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования // Городской альманах. 2008. № 3. С. 237–246.

Трущенко О.Е. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 120–126.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012.

Штейнберг И. Сельская «прибедненность», бедность и нищета в социальных сетях межсемейных обменов // Индекс. 2005. URL: <http://index.org.ru/journal/21/shberg21.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52–57.

Blokland T. “You got to remember you live in public housing”: place-making in an American housing project, *Housing, theory and society*, 2008, 25(1), pp. 31–46.

Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology, *The American Journal of Sociology*, 1997, 103(2), pp. 281–317.

Hannerz U. Soulside, Washington D.C. in the 1960-s: Black Ghetto Culture and Community, in: *The Sociology of Community: A Selection of Readings*, ed. by C. Bell, H. Newby. N.Y.: Frank Cass and Company Limited, 1974, pp. 149–174.

Jacobs M.J. Urban geographies I: still thinking cities relationally. *Progress in Human Geography*, 2012, 36(3), pp. 412–422.

Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. N.Y.: Oxford University Press, 2005.

McCann E., Ward K., Cochrane A. *Globalization and Community: Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age*. University of Minnesota Press, 2011.

Mische A. Cross-Talk in Movements: Rethinking the Culture-Network Link, in: *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*, ed. by M. Diani and D. McAdam. Oxford University Press, 2003, pp. 258- 280.

Muetzel S. Networks as Culturally Constituted Processes. A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory, *Current Sociology*, 2009, 57(6), pp. 871–887.

Tilly C. Contentious conversation, *Social research*, 1998, 53(3), pp. 491–510.

Tilly C. *Durable inequality*. Berkeley: University of California Press, 1998.

Tilly C. *Explaining social processes*. Boulder: Paradigm Publishers, 2008.

Tilly C. *Identities, boundaries, and social ties*. Boulder: Paradigm Publishers, 2005.

Tilly C. How do relations store histories?, *Annual Review of Sociology*, 2000, 26, pp. 721–723.

White H.C. *Identities and control: how social formations emerge*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008.